

5. Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. Москва: Финансы и статистика, 2003. 142 с. ISBN 5-279-02754-5.

6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

7. Федоров М.А. Основные критерии для оценки теневой экономики на современном этапе социально-экономического развития России и регионов / М.А. Федоров, Е.А. Ермакова, О.В. Гуреева // Теневая экономика. 2021. Т. 5, № 1. С. 19–40. DOI 10.18334/tek.5.1.112064.

8. Myrdal G. Asian Drama: an Inquiry into the Poverty of Nations. New York, Pantheon, 1968.

9. Portes A., Castells M., Benton L.A. The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore, 1989. 327 p.

DOI: [10.34773/EU.2026.1.3](https://doi.org/10.34773/EU.2026.1.3)

Социально-экономическая дифференциация: от выравнивания территорий к выравниванию возможностей домохозяйств^{*}

Socio-Economic Differentiation: from Leveling Territories to Balancing Opportunities for Households

Г. РОССИНСКАЯ,
Н. ИШМУХАМЕТОВ, З. ИБРАГИМОВА

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, управления и бизнеса (ИНЭБ) ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ). E-mail: RossinskayaGM@uust.ru

Ишмухаметов Наиль Салаватович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития ИНЭБ УУНиТ. E-mail: IshmukhametovNS@uust.ru

Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики ИНЭБ УУНиТ. E-mail: IbragimovaZulF@uust.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема устойчивости пространственного неравенства в России, сохраняющаяся вопреки длительной реализации политики бюджетного выравнивания. Дан краткий обзор основных подходов к исследованию региональных диспропорций, в ходе которого обоснована ограниченность применения исключительно количественных макропоказателей и доказана необходимость смены исследовательской оптики на качественный анализ институциональной среды. Представлен анализ региональных проблем социально-экономической дифференциации в рамках концепции «конверсионной способности» региональной среды. Рассмотрены противоречия, выражающиеся в институциональных ловушках, приводящих к «асимметрии возможностей». Отдельно отмечен вопрос трансформации государственной региональной политики: обоснован переход от экзогенного выравнивания бюджетной обеспеченности территорий к эндогенному формированию инклюзивных институтов, нацеленных на выравнивание возможностей домохозяйств.*

***Ключевые слова:** региональное развитие, институциональные ловушки, асимметрия возможностей, конверсионная способность среды, инклюзивные институты.*

***Abstract.** The article examines the issue of the persistence of spatial inequality in Russia despite the implementation of fiscal equalization policies for a long period. A brief review of the main approaches to studying*

^{*} Ссылка на статью: Россинская Г.М. Социально-экономическая дифференциация: от выравнивания территорий к выравниванию возможностей домохозяйств / Г.М. Россинская, Н.С. Ишмухаметов, З.Ф. Ибрагимова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 1. С. 14–20. DOI: [10.34773/EU.2026.1.3](https://doi.org/10.34773/EU.2026.1.3).

regional imbalances is provided, justifying the limited use of quantitative macro indicators and arguing for the need to shift research focus to a qualitative analysis of the institutional environment. The analysis presents the problems of socio-economic differentiation in regions within the framework of the "conversion capacity" concept. The article considers the contradictions expressed through institutional traps, leading to "asymmetrical opportunities". The issue of transforming the state's regional policy is addressed separately, with the justification for a shift from an exogenous approach to equalizing budgetary provision among territories to an endogenous approach aimed at establishing inclusive institutions that will equalize household opportunities.

Key words: regional development, institutional traps, asymmetry of opportunities, conversion capacity of the environment, inclusive institutions.

Введение

Проблема социально-экономической дифференциации регионов остается одним из ключевых вызовов для успешной реализации политики пространственного развития России. Традиционно в фокусе внимания находится межрегиональное неравенство (различия в бюджетной обеспеченности, темпах роста ВРП и инвестиционной привлекательности) и, соответственно, политика «выравнивания территорий» с опорой на механизмы перераспределения (межбюджетные трансферты, субсидии), призванные подтянуть экономические показатели отстающих регионов до среднего уровня. Несмотря на прилагаемые государством усилия, в том числе по реализации национальных проектов, устойчивость региональных диспропорций сохраняется, а в ряде случаев трансформируется в новые формы неравенства.

В настоящей работе предпринята попытка теоретически обосновать положение о том, что задача сглаживания проблем социально-экономической дифференциации требует, помимо инструментов экзогенного бюджетного выравнивания, создания инклюзивных институтов внутри региона, снижающих барьеры доступа домохозяйств к инвестициям в развитие человеческого капитала и высокодоходным рынкам труда.

Методы

В исследовании использованы теоретические методы анализа социально-экономических явлений, наблюдаемых на региональном уровне, с использованием многоуровневого и междисциплинарного подходов. Ряд положений, выдвинутых в данной статье, методологически опирается на результаты исследований, ранее проведенных и опубликованных нами в [7; 8; 12]. Фундаментально значимой для понимания «выравнивания возможностей домохозяйств» в рамках данной работы является концепция расширения возможностей (Capability Approach), развиваемая в трудах А. Сена, М. Нуссбаум [18] и ряда других исследователей. Анализ зарубежных исследований регионального неравенства, в частности, представленных в [16; 17], показывает стремление перейти от объективных цифр к восприятию неравенства людьми в попытках объяснить, почему «региональное экономическое неравенство стало угрозой для экономического прогресса, социальной сплоченности и политической стабильности в Европе» [16].

Обосновывая переход от территориального выравнивания к выравниванию возможностей, мы также опираемся на концепцию близости (proximity) в регионалистике. Как отмечают Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов, в современной географии такой подход «расширяет поле географических исследований: совершается прорыв от плоского, одномерного мира, измеряемого исключительно пространственными параметрами, к многомерному, интегрирующему одновременно и другие «пространства»: социальное, политическое, культурное, информационное и др.» [4, 10]. В логике данного исследования это будет означать, к примеру, что домохозяйство может быть географически расположено близко к центру, жить в столице, но находиться на «институциональной периферии», не имея доступа к благам.

Результаты и обсуждение

Одной из ключевых проблем развития протяженных в пространстве стран является неравномерность развития их территорий, под которым понимается «наличие (существование)

различий по определенной совокупности параметров, отражающих ту или иную сферу функционирования и развития территории» [2, 62]. При этом, как справедливо отмечают специалисты, «неравномерность регионального развития – это пространственная форма проявления неравномерности в развитии общества» [1, 26]. В литературе для обозначения неравномерности социально-экономического развития авторы используют разнообразные термины (асимметрия, дифференциация, диспропорция, поляризация и т.д.), зачастую их отождествляя. При этом некоторые авторы не согласны с отождествлением этих терминов. Например, К.С. Корень считает, что термины «асимметрия» и «поляризация» несут различный смысл и не являются синонимами, подчеркивая, что «переход поляризации как первичного состояния в асимметрию (либо симметрию – в зависимости от результатов процесса социально-экономического развития территории) как вторичного состояния – это непрерывный циклический процесс» [10, 71]. Согласно Е.С. Губановой и В.С. Клещ, эти дефиниции не только несут схожую смысловую нагрузку с более широким термином «неравномерность», а представляют собой его разные стадии: дифференциация → асимметрия → поляризация. При этом «переход от одной стадии к другой (от дифференциации к асимметрии, от асимметрии к поляризации) обусловлен сочетанием совокупности факторов, усиливающих различия в указанном направлении» [2, 59].

Характеризуя современный ландшафт неравенства, необходимо признать определенную трансформацию пространственных разрывов. Как отмечают А.Г. Дружинин и О.В. Кузнецова, в постсоветский период «на смену былой поляризации “город – деревня” пришла поляризация “крупногородские центры – периферия”» [3, 141]. Именно этот новый тип разрыва, когда агломерационный центр аккумулирует ресурсы, а его периферия, включая малые города, деградирует, требует перехода от сконцентрированной поддержки «точек роста» к политике обеспечения функциональной связности всего пространства.

С другой стороны, следует признать, что неравномерность социально-экономического развития территорий детерминирована системой взаимосвязанных факторов: конкурентные преимущества той или иной территории зависят от факторов «первой природы», присущих ей от природы, и «второй природы», сформированных в результате деятельности государства и общества. Наличие факторов «первой природы» и «второй природы» обуславливает формирование институциональной ловушки, смысл которой сводится к тому, что в богатом регионе создается качественная инфраструктура (образование, медицина, культура), но доступ к ней становится цензовым (финансовым или статусным). Высокие финансовые пороги входа (стоимость жилья в благополучных районах, платность дополнительных услуг) и статусные фильтры фактически отсекают значимую долю домохозяйств от пользования инфраструктурой, созданной на их же территории.

Неравномерное развитие территорий приводит, с одной стороны, к усилению межрегиональной дифференциации, а с другой – к обострению дифференциации внутри самих регионов. Другими словами, домохозяйства, расположенные в регионах с разным уровнем развития, также будут отличаться по уровню благосостояния и их оценка собственного благосостояния будет различаться. Например, члены бедного домохозяйства, расположенного в более развитом регионе, будут чувствовать себя беднее, чем члены такого же домохозяйства, но в бедном регионе.

Вместе с тем анализ потребительского поведения домохозяйств свидетельствует о том, что финансовое благополучие территории не всегда трансформируется в социальные возможности, показывая неравномерность в зависимости от типа блага [9]. Так, например, согласно данным за 2010-2021 гг., в России наблюдается конвергенция регионов по потреблению базовых услуг (кафе, рестораны), однако фиксируется дивергенция по расходам на организацию отдыха и культурные мероприятия; «при этом начиная с 2014 года индикаторы демонстрируют противоположную направленность векторов развития регионов» [9, 511].

Таким образом, экономический рост региона не ведет автоматически к росту благосостояния всех его жителей и зачастую маскирует глубокую асимметрию возможностей домохозяйств, проживающих в нем. Высокие средние показатели доходов формируются за счет узких отраслевых сегментов и агломерационных центров, в то время как значительная часть

населения на периферии успешного региона сталкивается с институциональными барьерами доступа к благам.

По нашему мнению, существующие подходы к «выравниванию территорий» методологически ограничены хотя бы потому, что оперирование усредненными показателями на мезоуровне не позволяет увидеть барьеры, возникающие на микроуровне. Политика, направленная на территорию как административную единицу, игнорирует эндогенные механизмы воспроизводства неравенства, включая центр-периферийные разрывы внутри самого региона. В результате бюджетные вливания в отдельно взятый регион не конвертируются в расширение возможностей для развития человеческого потенциала конкретных семей.

Подтверждение тезиса о том, что экономический рост территории не конвертируется автоматически в повышение качества жизни, можно найти и в современных эконометрических исследованиях. Так, применение метода главных компонент к данным за 2020-2022 гг. позволило выделить специфический кластер регионов, которые при высоких экономических показателях и номинальных доходах характеризуются «слабо развитой социальной инфраструктурой» и экологическими рисками [15]. Существование такой группы субъектов наглядно показывает, что без развитых институтов финансовый ресурс региона «оседает» в корпоративном секторе или узких стратах, не трансформируясь в возможности для широкого круга домохозяйств.

Как отмечает Н.В. Зубаревич, выделяя объективные барьеры количественного измерения факторов регионального развития, «территориальные различия по отдельным факторам неконсистентны, по принципу “кто в лес, кто по дрова”, а увеличение числа показателей чаще всего приводит к росту проблем интерпретации результатов» [6, 165]. В этой ситуации, на наш взгляд, исследовательский фокус должен быть направлен на анализ факторов институциональной среды региона, поскольку феномен «застывания» большинства субъектов РФ в группе регионов-середняков, по всей видимости, можно интерпретировать через призму институциональной недостаточности. По нашему убеждению, статистическая стабильность этой группы свидетельствует среди прочего о том, что политика бюджетного выравнивания, по сути, достигла своего предела. Как справедливо указывает Н.В. Зубаревич, «сложившееся распределение устойчиво, изменений в уровне развития регионов за два десятилетия немного» [6, 161], при том, что «относительно ухудшилось положение Республик Башкортостан и Карелии, Мурманской области» [6, 161].

Когда речь идёт о критике измерения «средней температуры по больнице», в нашем случае – об отказе от анализа среднедушевых доходов как главного индикатора благополучия, то возникает дилемма «новые метрики – новые вызовы». Подобная дилемма всплывает, в том числе, когда выдвигается предложение оценивать успехи региона в улучшении благосостояния не только по скорректированному ВРП на душу населения, но и по тем показателям региональной среды, которые показывают, насколько легко домохозяйство может конвертировать свой человеческий потенциал в доход.

Если расчет ВРП – пусть и в известной степени грубый, но общепринятый количественный подход, то измерение «возможностей» есть методологическая проблема. По нашему мнению, одним из вариантов ее решения может быть расчет индикатора «конверсионной способности» региональной среды в отношении человеческого потенциала региона.

В предлагаемой нами трактовке «конверсионная способность» региональной среды есть институциональная характеристика региона, показывающая, с каким коэффициентом полезного действия накопленный домохозяйством человеческий потенциал (здоровье, образование, компетенции и опыт, потенциал мобильности) трансформируется в человеческий капитал, измеряемый потоком дохода.

В слаборазвитой институциональной среде этот коэффициент будет, по всей видимости, стремиться к нулю (феномен «работающего бедного» или таксиста с высшим образованием), тогда как в развитой среде институты (рынок труда, поддержка предпринимательских инициатив, социальные лифты) работают как мультипликатор, превращая потенциал в доход.

Для описания «конверсионной способности» региональной среды важно упомянуть

о категориях т.н. «непространственной близости» (non-spatial proximity), измеряемой не в единицах физического расстояния, а в мерах сходства или близости показателей экономического пространства, институциональной среды и других. Если физическая доступность благ определяется пространственной близостью, то реальная возможность воспользоваться ими зависит от институциональной близости домохозяйств региона (например, доступа к правовой защите) и социальной близости (включено ли домохозяйство в социальные сети распределения ресурсов). Асимметрия возможностей возникает именно там, где при наличии первой (пространственной) близости отсутствуют вторая и третья.

Предлагаемая модель оценки «конверсионной способности» региональной среды развивает методологические подходы, сформулированные нами ранее. Так, в работе [13] отмечено, что анализ социально-экономической динамики требует рассмотрения проблемы в контексте «наиболее значимых пересечений с: 1) институциональным (в том числе политическим); 2) человеческим (в том числе духовно-культурным); 3) пространственным (в том числе территориальным) развитием» [13, 7].

Данная триада получает операциональное наполнение, трансформируясь из описательной схемы в инструмент диагностики барьеров:

1. Человеческое измерение (параметр входа) выступает как ресурсная база домохозяйства, накопленный человеческий потенциал, который подается на «вход» региональной системы.

2. Институциональное измерение (параметр процесса) выступает как механизм конверсии, где качество институтов определяет, с каким КПД человеческий потенциал превратится в социально-экономическое благополучие. Если институциональная среда деформирована, то конверсия в значимой степени блокируется.

3. Пространственное измерение (параметр контекста) выступает как фактор дифференциации, когда пространство (территория) обуславливает неоднородность конверсии. В региональном центре и крупных городах территории рассматриваемая конверсия по своим условиям будет более эффективна.

Таким образом, предлагаемый нами подход к смещению акцентов – от выравнивания территорий к выравниванию возможностей – есть, по сути, подход к смещению управленческого воздействия на второй элемент триады (институты) с целью снижения негативного влияния третьего элемента (пространства) на первый (человеческий потенциал).

На наш взгляд, выявление «конверсионного» аспекта внутрирегиональной дифференциации диктует необходимость модернизации существующего инструментария государственной политики. Если диагностика проблемы смещается с макропоказателей территории на микроуровень домохозяйств, то и «терапия» должна претерпеть соответствующие изменения.

Очевидно, что сложившаяся политика трансфертов, проводимая по модели «выравнивания бюджетной обеспеченности», работает с симптомами, но не с причинами. С учетом вышеизложенного, нами предлагается следующая дихотомия целей и средств:

– в парадигме «выравнивания территории», когда целью является подтягивание валовых показателей региона (ВРП, инвестиции, доходы и расходы регионального бюджета), основным инструментом закономерно выступают субсидии и межбюджетные трансферты. Это экзогенное вливание ресурсов, которое может сосуществовать с ростом внутреннего расслоения;

– в парадигме «выравнивания возможностей домохозяйств» инструментом становятся инклюзивные институты, а задача управления становится более сложной – не столько распределить средства, сколько «починить» социальные лифты в целях создания альтернативных источников дохода для домохозяйств, обладающих меньшими возможностями, в том числе путем поддержки и развития их предпринимательской активности.

Следует признать, что в современной России технологическим базисом для выравнивания возможностей домохозяйств становятся цифровые платформы, снижающие транзакционные издержки доступа к рынкам. Согласно исследованию С.П. Земцова [5], бурный рост онлайн-торговли и экосистем в регионах России позволил частично компенсировать пространственное неравенство, предоставляя малому бизнесу и самозанятым каналы сбыта, ранее доступные

только жителям агломераций. В предлагаемой нами модели это можно интерпретировать как повышение конверсионной способности среды: платформы выступают экстерриториальным институтом, «выпрямляющим» искаженное экономическое пространство.

В этом контексте меняется роль управления на мезоуровне. Сложившаяся модель поведения региональных властей зачастую сводится к вынужденному лоббированию интересов субъекта на федеральном уровне в попытках привлечь максимум внешних ресурсов. В рамках предлагаемого подхода приоритет смещается на формирование эндогенных факторов развития. В этой связи заметим, что в недавнем докладе ОЭСР, посвященном региональным аспектам неравенства, «для повышения эффективности региональной политики рекомендуется улучшить качество цифровой инфраструктуры, содействовать миграции высококвалифицированных кадров в регионы, содействовать интеграции регионов в глобальные цепочки создания стоимости, привлечению инвестиций в транспортную и цифровую инфраструктуру, повысить качество регионального госуправления» [11].

По нашему убеждению, для достижения целей пространственного развития России, с учетом опоры на «дифференцированный подход к развитию территорий» [14], функционал региональных властей должен трансформироваться из «распределителя внешних ресурсов» в «архитектора институциональной среды региона». Ключевым индикатором эффективности такой деятельности может быть, к примеру, снижение транзакционных издержек доступа к общественным благам для домохозяйств. Иными словами, политика выравнивания возможностей – это создание таких социально-экономических условий внутри региона, при которых место проживания (центр или периферия) и уровень доходов домохозяйства перестают быть определяющими ограничителями для реализации человеческого потенциала.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что высокий уровень социально-экономической дифференциации на фоне формального сглаживания бюджетной обеспеченности регионов свидетельствует о смещении проблемы с макроуровня («богатые и бедные регионы») на мезо- и микроуровень («центр и периферия внутри региона»).

Показано, что благополучие домохозяйства определяется не столько валовым объемом ресурсов на территории, сколько качеством институциональных фильтров, которые трансформируют ресурсы в доступные блага, либо блокируют этот процесс. Переход от политики «выравнивания территорий» (трансферты) к политике «выравнивания возможностей» (институты) требует смещения управленческого фокуса с накачки ресурсами на снижение барьеров доступа к ним.

В методологическом плане это диктует необходимость отказа от монополии количественного измерения разрывов. Статистические метрики, фиксирующие «среднюю температуру», не способны уловить институциональные ловушки и барьеры «второй природы» неравенства. Дальнейшее развитие здесь видится в разработке методов качественного анализа среды функционирования домохозяйств, позволяющих диагностировать не только уровень бедности, но и степень «институциональной изоляции», т.е. в решении вопроса, каким должен быть набор индикаторов, позволяющий описать «силу трения» институциональной среды, преодолеваемую домохозяйством при попытке конвертировать свой человеческий капитал в экономическое благополучие.

Литература

1. Грицай О.В. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. М.: Наука, 1991. 168 с.
2. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 58–75. DOI 10.15838/esc/2017.1.49.4.

3. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. «Ультраурбанизм и аглоцентризм» vs «единая система расселения»: актуальность дискуссии сорокалетней давности // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. Т. 21, № 1. С. 135–150. DOI 10.47711/2076-3182-2023-1-135-150.
4. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8–21. DOI 10.7868/S037324441703001X.
5. Земцов С.П. Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий искусственного интеллекта // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2(67). С. 225–233. DOI 10.31737/22212264_2025_2_225-233.
6. Зубаревич Н.В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2(46). С. 158–167. DOI 10.31737/2221-2264-2020-46-2-8.
7. Ибрагимова З.Ф. Цифровизация и домохозяйства: неравенство возможностей и дифференциация состояния / З.Ф. Ибрагимова, Н.С. Ишмухаметов, Г.М. Россинская // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 1(151). С. 14–18. DOI 10.34773/EU.2020.1.3.
8. Ишмухаметов Н.С. Региональные факторы социально-экономической дифференциации домохозяйств в условиях цифровизации / Н.С. Ишмухаметов, Г.М. Россинская, З.Ф. Ибрагимова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2(158). С. 78–85. DOI 10.34773/EU.2021.2.14.
9. Кондратьева С.В., Морошкина М.В. Неоднородность российских регионов по возможностям отдыха населения (анализ данных 2010–2021 годов) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 3. С. 495–518. DOI 10.17072/2218-9173-2025-3-495-518.
10. Корень К.С. Пространственная поляризация территорий как фактор возникновения асимметрии территориального развития // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 1. С. 70–72.
11. Региональный прогноз ОЭСР 2023 г. Многолетняя география неравенства / Intosai Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://intosairussia.org/ru/novosti-media/kratkie-obzory/regionalnyj-prognoz-oesr-2023-g-mnogoletnyaya-geografiya-neravenstva.html>
12. Россинская Г.М. Региональная социально-экономическая дифференциация: факторы, проявления, последствия / Г.М. Россинская, Н.С. Ишмухаметов, З.Ф. Ибрагимова // Дискуссия. 2024. № 10(131). С. 118–124. DOI 10.46320/2077-7639-2024-10-131-118-124.
13. Россинская Г.М. Социально-экономическое развитие региона: поиск баланса и приоритетов / Г.М. Россинская, Н.С. Ишмухаметов, А.Ф. Шайхалиев // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 6(174). С. 4–10. DOI 10.34773/EU.2023.6.1.
14. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310767692>
15. Ушакова Е.А. Исследование межрегиональной дифференциации в России в контексте устойчивого развития на основе метода главных компонент / Е.А. Ушакова, Л.А. Леонова, А.С. Аладышкина // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21, № 2. С. 35–51. DOI 10.37490/S221979310033212-6.
16. Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M. Regional inequality in Europe: Evidence, theory and policy implications // Journal of Economic Geography. 2019. Vol. 19, No. 2. P. 273–298. DOI 10.1093/jeg/lby021.
17. McCann Ph. Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: insights from the UK // Regional Studies. 2019. Vol. 54, No. 2. DOI 10.1080/00343404.2019.1619928.
18. Nussbaum Martha C. Creating capabilities: The human development approach. Cambridge (Mass.): The Belknap press of Harvard university press, 2011. XII, 237 p.